АВТОБІОГРАФІЯ

АКТЕРА

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ЛАВРОВА

(БАРСУКОВА).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Южнаго Края".
1895.

Дозв. ценз. Харьковъ 17 Августа 1895 г.

Актеръ Иванъ Ивановичъ Лавровъ (Барсуковъ).

Автобіографія актера Ивана Ивановича Лаврова

(БАРСУКОВА).

Отецъ мой Иванъ Максимовичъ Барсуковъ былъ купецъ, торговавшій панскими товарами въ губернскомъ городѣ Рязани; онъ былъ женатъ на 3-хъ женахъ; —отъ первой имѣлъ сына и дочь, вторая была бездѣтная; отъ третьей-же Екатерины Алексѣевны (дочери губернскаго секретаря Алексѣя Ивановича Толкачева) родился — я — первенецъ, 1-го января 1812 года сестра Татьяна и брагъ Николай (нынѣ смотритель Ларинскаго училища въ селѣ Любучахъ, Рязанской губерніи). Дѣтство свое я провелъ въ домѣ отца моего, имъ же самимъ выстроенномъ въ Рязани, подлѣ дѣвичьяго монастыря, и едва его помню. Одинъ только случай этого времени оставилъ неизгладимые слѣды, а именно: на 7—8 году моей жизни приставшая ко мнѣ натуральная оспа и

оставившая навсегда не очень красивые на лицѣ моемъ знаки перемѣнила и образъ моего воспитанія, которое до этого случая проходило подъ руководствомъ приходскаго дьякона, какъ обыкновенно тогда это водилось въ купеческомъ быту—дьяконъ обучалъ меня, и русской грамотѣ. Болѣзнь моя, происшедшая отъ нежеланія моихъ родителей привить мнѣ въ дѣтствѣ оспу, такъ огорчила крестнаго моего отца и дядю Ивана Алексѣевича Иванова (Толкачева), брата моей матушки, бывшаго въ то время секретаремъ казенной палаты, что онъ, не имѣя еще собственныхъ дѣтей, взялъ меня къ себѣ и отдалъ учиться къ отцу жены своей, бывшему учителю латинскаго языка рязанской гимназіи; такимъ образомъ вмѣстѣ съ перемѣной жизни и образъ моего воспитанія совершенно измѣнился. Получивши дѣльное первоначальное воспитаніе, я отданъ былъ (возвратясь въ родительскій домъ на 10 мъ году) въ уѣздное училище и черезъ годъ переведенъ былъ въ гимназію, въ числѣ послѣднихъ, не смот-

ря на то, что я былъ весьма прилежнымъ ученикомъ. Этому причиной было нерасположеніе ко мнѣ штатнаго смотрителя училища, который любилъ приносимое, а отецъ мой плохо объ этомъ заботился. Начавши проходить гимназическій курсъ наукъ, я въ первомъ еще классѣ доказалъ мое прилежаніе и способности тѣмъ, что къ концу года былъ уже въ числѣ первыхъ учениковъ этого класса. Незабвеннымъ днемъ этого 1824 года былъ день проѣзда черезъ Рязань въ Таганрогъ Государя Императора Александра Павловича; а въ моей же дѣтской головѣ неизгладимо запечатлѣлся тотъ моментъ, когда Онъ, съ благосклонной улыбкой, проходилъ мимо нашихъ рядовъ, выстроенныхъ поклассно въ гимназической залѣ въ новой формѣ, то есть: однобортныхъ синихъ сюртукахъ съ малиновыми стоячими воротниками; а особливо для меня памятнымъ былъ еще и потому, что я въ первый еще разъ надѣлъ сюртукъ. Далѣе прохожденіе четырехъклассваго гимназическаго курса было весьма однообразно, благодаря тогдаш-

ней методѣ преподаванія: зубристика и буквальность—вотъ и все. Остались въ памяти моей только нѣкоторыя странности гг. предподаватслей, а именно: учителя нѣмецкаго языка, который заставлялъ весь классъ въ одинъ голосъ повторять за нимъ нѣмецкія буквы и слова; французскаго, которому мы отвѣчали, написавши заблаговременно карандашемъ вокабулы на ногтяхъ нашихъ пальцевъ; преподавателя естественной исторіи, которому мы, по глухотѣ его, читали вмѣсто урока, молитвы: Отче нашъ или символъ вѣры. Про себя могу сказать, что, занимаясь прилежно всѣми предметами, любилъ преимущественно математику и рисованіе и въ этихъ предметахъ былъ первымъ изъ всего класса. По малолѣтству своему я долженъ былъ пробыть въ четвертомъ классѣ два года, чтобы достигнуть положеннаго для поступленія въ университетъ 16 ти лѣтняго возраста. Итакъ, получивши хорошій аттестатъ по выходѣ изъ гимназіи, я по желанію дяди моего и матушки (хотя отецъ мой и возставалъ противъ это-

го, потому что директоръ гимназіи давалъ мнѣ мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ)—поѣхалъ въ Москву и по первому экзамену, 1829-го года въ 1 хъ числахъ августа, былъ принятъ студентомъ въ Императорскій Московскій университетъ, на продолженіе курса въ которомъ дядя мой обѣщалъ мнѣ свое пособіе, потому что отецъ мой, по своему довѣрію къ приказчикамъ, его обворовывавшимъ, и по своей безпечности, сдѣлался банкротомъ и не имѣлъ никакихъ средствъ помочь мнѣ. Съ этихъ поръ начинается моя одинокая, юношеская жизнь; какъ грустно мнѣ всегда воспоминаніе о ней; какъ необдуманно было со стороны родителей отпускать меня одного, ничего не видавшаго, ничего не испытавшаго юношу въ этотъ хаосъ броженій всѣхъ страстей и желаній. Да, плохо юношѣ начинать это поприще безъ надежнаго руководителя, юношѣ, выросшему въ строгомъ купеческомъ домѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ нарочно, при первомъ шагѣ въ этотъ новый міръ пришлось попасть въ дурной кругъ то-

варищей, познакомившихъ меня со всѣми гадостями. Когда-же было думать о лекціяхъ, заботиться о томъ, для чего отправленъ былъ въ Москву моими благодѣтелями; къ этому прибавить должно, что матушка, передъ отъѣздомъ моимъ въ университетъ, дала мнѣ, разумѣется, секретно отъ батюшки,—пятьдесять рублей ассигнаціями денегъ; это... мнѣ, не имѣвшему никогда въ карманѣ своемъ даже рубля, показалось неисчерпаемымъ источникомъ богатства, дозволявшимъ пуститься съ пріятелями на все. Въ это-то время очень обыкновенный случай имѣлъ вліяніе на всю мою жизнь и рѣшительно геремѣнилъ настоящую и будущую карьеру. Какъ то разъ, пируя съ пріятелями, вздумалось всей компаніей отправиться въ Большой Московскій театръ—на представленіе, какъ теперь помню, драмы князя А. А. Шаховскаго: „Керимъ-Гирей, крымскій ханъ"; тутъ я въ 1-й разъ увидѣлъ это новое для себя удовольствіе и не могу передать словами весь восторгъ, всѣ ощущенія свои при игрѣ великаго тра-

гика Павла Степановича Мочалова, игравшаго роль Керимъ-Гирея. Съ этого вечера поселилась въ головѣ моей мысль быть актеромъ и эта мысль такъ привилась во мнѣ, что не давала покоя ни днемъ, ни ночью, слѣдствіемъ чего было то, что я вмѣсто лекцій доставалъ, гдѣ могъ, драмы и трагедіи, училъ изъ нихъ монологи, читалъ и декламировалъ ихъ, какъ умѣлъ, безпрестанно думая, почему-же и мнѣ не быть такимъ-же актеромъ, какъ и П. С. Мочаловъ. Каникулы перваго года я проводилъ у моихъ родителей въ Рязани; тутъ дядя объявилъ, что отказывается, по неимѣнію средствъ, помогать мнѣ, и совѣтовалъ заняться кондиціями, чтобы содержать себя, выхлопотавши мнѣ при этомъ письмо къ княжнѣ Волконской, жившей тогда у дочери своей въ Москвѣ. Пріѣхавши послѣ лѣтней вакаціи въ Москву, я, изъ боязни быть исключеннымъ за нехожденіе на лекціи, долженъ былъ перейти на медицинскій факультетъ, хотя не имѣлъ ни малѣйшей къ тому наклонности, да и латинскій-то языкъ какъ то

мнѣ не давался еще и въ гимназіи; не смотря на все это, я началъ гораздо прилежнѣе посѣщать анатомическій театръ, какъ вдругъ страшная гостья 1830 года—холера появилась въ Москвѣ и прекратила преподаваніе лекцій. Я, не позаботясь немедленно выѣхать изъ Москвы, по случаю вскорѣ устроившихся при московскихъ заставахъ карантинныхъ заведеній—долженъ былъ остаться бездѣйствовать въ этой тогда бѣдствующей столицѣ; тутъ опять, отъ нечего дѣлать, я обратился къ прежней любимой мечтѣ —быть актеромъ. По прошествіи этой опустошительной эпидеміи, я отправился съ рекомендательнымъ письмомъ къ княгинѣ Волконской, которая поручила мнѣ образованіе своихъ внуковъ: князя Александра и княжны Екатерины, —дѣтей князя Александра Дмитріевича Волконскаго, нашего рязанскаго помѣщика, платя мнѣ по двадцати рублей ежемѣсячно. По рекомендаціи княгини, я вскорѣ былъ приглашенъ еще давать уроки къ оберъ-прокурору Сената г. Морозу, зятю нашего рязанскаго богача—Рюмина; потомъ

еще къ знаменитому партизану 1812 года—Денису Васильевичу Давидову, —съ дѣтьми котораго я занимался русской словесностью, математикой и прочими предметами болѣе 2 лѣтъ, получая за это, разумѣется, хорошую плату. Въ концѣ 1832 года, когда кончились уже всѣ мои занятія съ этими дѣтьми, а вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, прекратились и мои доходы, я былъ отрекемендованъ издателю журнала: „Телеграфъ"—Николаю Алексѣевичу Полевому, у котораго, занимаясь перепиской его сочиненій и разборомъ старинныхъ рукописей для издаваемой имъ тогда „Исторіи россійскаго государства", получая также большую за все это плату, я все таки продолжалъ мечтать о театрѣ и велъ безалаберную жизнь, совершенно забывши о своемъ семействѣ, жившемъ по случаю бездѣйствія отца моего въ крайней бѣдности. По совѣту Николая Алексѣевича Полеваго, которому я откровенно признался въ моемъ страстномъ желаніи быть актеромъ, ходилъ на испытаніе къ извѣстному тогда зна-

току и учителю Александру Александровичу Шаховскому, бывшему директору Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ и онъ, заставивши меня прочесть монологъ Фрида изъ драмы: „Сынъ Любви“, сказалъ, что я порядочно читаю, но для того, чтобы быть хорошимъ актеромъ, надобно ѣхать въ провинцію, и тамъ практически изучить и усвоить всѣ условія сцены. Маленькое одобреніе и совѣтъ этого замѣчательнаго въ театральномъ мірѣ человѣка такъ на меня подѣйствовали, что я еще неусыпнѣе сталъ заниматься изученіемъ драмъ и трагедій и послѣднюю трудовую копѣйку всегда съ восторгомъ вымѣнивалъ на театральный билетъ. Въ такихъ занятіяхъ я провелъ еще два года, безпрестанно мечтая о театрѣ и не имѣя никакой возможности осуществить свою мечту, живя постоянно въ Москвѣ.

Наконецъ, въ августѣ 1834 года, получилъ я письмо отъ родителей, въ которомъ они настоятельно приказывали мнѣ ѣхать къ нимъ въ Рязань и заняться чѣмъ-нибудь

положительнымъ, чтобъ поддержать существованіе бѣдствующаго семейства нашего; не смѣя ослушаться ихъ приказаній, я пріѣхалъ въ Рязань въ сентябрѣ этого года и рѣшительно не зналъ, за что приняться. Наконецъ, вѣрно такъ уже опредѣлено было мнѣ свыше... узналъ я, что пріѣхалъ изъ Твери антрепренеръ Федосей Герасимовичъ Хрисанфовъ и комплектуетъ труппу актеровъ для зимнихъ представленій въ Рязани; я немедленно явился къ нему съ предложеніемъ моихъ услугъ и былъ по недостатку персонажей, разумѣется, съ удовольствіемъ приглашенъ. Съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ я полетѣлъ домой, чтобы подѣлиться съ матушкою этой вѣсточкою, этой сбывшейся для меня мечтою; разумѣется, объ этомъ мы не сказали отцу, который называлъ театръ бѣсовскимъ навожденіемъ. Матушка была рада, что я нашелъ для себя занятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства для существованія всего нашего семейства, бывшаго въ это время въ самомъ жалкомъ положеніи. Съ первыхъ чиселъ октября

мѣсяца начались спектакли и мнѣ, какъ не бывшему никогда на публичной сценѣ, на первый разъ дали ничтожную роль Латирада въ старинной комедіи: „Бенефиціантъ“ и я, судя по одобренію самаго антрепренера, съигралъ подъ фамиліей Иванова такъ отчетливо, что на второй спектакль антрепренеръ далъ мнѣ уже главную роль Эдуарда въ драмѣ „Смерть Каласа“, послѣ исполненія которой я былъ даже вызванъ публикою нѣсколько разъ и вмѣстѣ съ опытными актерами. Антрепренеръ, обрадовался, встрѣтивъ во мнѣ весьма порядочнаго актера, и положилъ на первый разъ по пяти рублей ежеспектакльно, что тогда считалось весьма и весьма хорошею платою. Съ этого времени началось мое театральное поприще и я бросился на него со всѣмъ юношескимъ жаромъ; совершенно предавшись душою и тѣломъ этому искусству, я проводилъ дни и ночи надъ изученіемъ и обдумываніемъ поручаемыхъ мнѣ ролей, такъ что къ концу зимняго сезона сдѣлался однимъ изъ первыхъ любимцевъ публики. Вес-

ной 1835 года антрепренеръ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ по уѣзднымъ городамъ, для участія въ лѣтнихъ спектакляхъ и я, побывавши съ нимъ въ Касимовѣ, Зарайскѣ, Лебедянѣ, Ефремовѣ и др., къ зимнему сезону возвратился въ Рязань и съ прежнимъ успѣхомъ и расположеніемъ публики продолжалъ трудиться на любимомъ своемъ поприщѣ. Лѣтній сезонъ 1836 года опять начался путешестіями съ г. Хрисанфовымъ по уѣзднымъ городамъ Рязанской губерніи и кончился уѣзднымъ гор. Кирсановомъ, Тамбовской губ., въ которомъ я, поссорившись съ антрепренеромъ, уѣхалъ одинъ въ Саратовъ, гдѣ выступилъ въ шести спектакляхъ и получилъ въ шестьсотъ рублей бенефисъ. На зимній сезонъ я опять уѣхалъ къ родителямъ въ Рязань. Спектакли зимняго сезона 1836 года были тогда подъ распоряженіемъ г. полковника Нетленьева; въ этотъ сезонъ были въ Рязани дворянскіе выборы, и г. директоръ выписалъ изъ Москвы, для усиленія сборовъ, цыганскій хоръ, подъ управленіемъ знаме-

нитаго Ильи, и московскую актрису г-жу Стрѣльскую; все это доставило театру огромные барыши. Въ это время и въ домашней моей жизни произошелъ случай, очень для меня памятный, а именно: дядя мой Иванъ Алексѣевичъ, бывшій мой покровитель въ университетѣ, съ самаго моего поступленія въ актеры, разсердившись на то, что я не захотѣлъ опять, по возвращеніи моемъ изъ Москвы—быть учителемъ уѣзднаго училища, на что самъ директоръ гизназіи вторично изъявлялъ свое согласіе,— совершенно прекратившій съ нами знакомство и даже не принимавшій никого изъ нашего семейства въ домъ къ себѣ—совершенно неожиданно пріѣхалъ самъ мириться съ нами, сказавши мнѣ при этомъ: „ну, племянникъ, вѣрно ты нигдѣ не пропадешь, вѣль тебя мнѣ хвалилъ самъ губернаторъ!“ Послѣ этого, онъ опять сталъ любить меня и наше семейство попрежнему. Но главный случай этой зимы, имѣвшій огромное вліяніе на всю мою театральную карьеру, былъ проѣздъ черезъ Рязань Станислава Петровича Михай-

ловскаго, бывшаго главноуправляющимъ Харьковскаго антрепренера Людвига Юрьевича Млотковскаго, который бывши на спектаклѣ, въ которомъ, я игралъ первую роль, тутъже на сценѣ предложилъ мнѣ перейти на службу въ г. Харьковъ, обѣщая отъ имени Люд. Юр. Млотковскаго, по тогдашнему, огромное жалованье—1200 рублей ассигнаціями въ годъ; разумѣется, я съ радостью принялъ это предложеніе и далъ слово пріѣхать весною, куда напишетъ мнѣ самъ Л. Ю. Млотковскій. Весною 1837 года, въ ожиданіи пригласительнаго письма, я игралъ въ компаніи съ остатками рязанской труппы въ уѣздномъ городѣ Зарайскѣ и получилъ за 2 недѣли очень порядочный бенефисъ. Наконецъ, въ маѣ 1837-го года получилъ я такъ нетерпѣливо ожидаемое мною пригласительное на службу письмо отъ Л. Ю. Млотковскаго и немедленно отправился на Коренную ярмарку Курской губ., гдѣ онъ тогда находился съ своею труппою, но пріѣхалъ уже въ послѣдній спектакль этой ярмарки, а

потому и не могъ съиграть ни одной роли для дебюта. Труппа Л. Ю. Млотковскаго на другой же день выѣхала на ровенскую ярмарку и я вмѣстѣ съ нею перебравшись въ Ромны дебютировалъ подъ фамиліей уже — Лаврова во вторыхъ роляхъ драмъ. Первые драматическія роли занималъ тогда г. Рыбаковъ, но я, играя и вторыя роли, былъ одобренъ Л. Ю. Млотковскимъ и принятъ на 1200-ти рублей ассигнаціями годоваго жалованья и полубенефисъ. По окончаніи ровенской ярмарки, труппа переѣхала въ Харьковъ на Успенскую ярмарку; здѣсь я дебютировалъ, по желанію самаго антрепренера, въ роли Иванова въ водевилѣ „Заемныя жены“; эту роль до моего дебюта занималъ всегда любимецъ харьковской публики г. Соленикъ, актеръ опытный и хорошій, а потому и дебютъ мой былъ тогда неудаченъ, притомъже я прежде никогда не игралъ въ водевиляхъ, и пѣніе куплетовъ меня очень связывало и конфузило. Не смотря на эту первую неудачу на харьковской сценѣ, я еще съ боль-

шимъ ревнiемъ началъ трудиться, проводилъ безсонныя ночи, изучая и обдумывая всѣ даваемыя мнѣ роли и душевно благодаря Любовь Ивановну Млотковскую (жену антрепренера, извѣстную и отличнѣйшую въ то время провинцiальную актрису) за всѣ ея замѣчанiя, за всѣ совѣты, которые она давала мнѣ, какъ опытнѣйшая актриса, еще новичку въ театральномъ искусствѣ. Этотъ годъ былъ годомъ тяжкихъ, механическихъ трудовъ моихъ, но за то результатомъ этого года было то, что я черезъ какiе-нибудь полгода сдѣлался, въ полномъ смыслѣ, хорошимъ актеромъ, и любимцемъ харьковской публики, которою въ началѣ былъ принятъ такъ холодно и сухо. Да, въ такой труппѣ, какая была у Л. Ю. Млотковскаго въ 1837—1838—1839-хъ годахъ, занимать первое амплуа, хотя и въ водевиляхъ, было хорошей аттестацiей для провинцiальнаго актера, а я могу сказать смѣло и безъ всякаго соперничества, занималъ это амплуа въ продолженiи всѣхъ трехъ лѣтъ моей у него служ-

бы. Послѣ Успенской ярмарки, побывши въ Полтавѣ на дворянскихъ выборахъ, мы переѣхали въ Кіевъ на зимній сезонъ. Въ эту зиму дѣла Л. Ю. Млотковскаго были просто блестящія; при огромныхъ сборахъ пріемъ труппы кіевской публикой былъ чисто восторженный. Весной 1838-го года пріѣхалъ къ намъ въ Кіевъ на десять спектаклей мой кумиръ — знаменитый трагикъ московскій Павелъ Степановичъ Мочаловъ. Вотъ въ эти то-десять спектаклей, играя съ нимъ всѣ вторыя роли, душа моя уже вполнѣ насладилась давно ожидаемымъ блаженствомъ. Не могу передать словами всего того, что я перечувствовалъ, смотря уже опытными глазами на игру великаго трагика; и теперь даже, когда тому прошло уже много лѣтъ, я какъ бы въ эту минуту слышу его потрясающій душу шопотъ, какъ будто сей-часъ льется въ душу мою этотъ мелодичный голосъ страсти, такъ обоятельный для всѣхъ зрителей; какъ будто въ это мгновеніе смотрю на это прекрасное, впе-

чатлительное лицо, на которомъ прежде словъ, изображалось все то, что выражали неподражаемые звуки голоса этого генія нашего драматизма. Да, этотъ незабвенный трагикъ вполнѣ разъяснилъ намъ тогда, что такое: Гамлетъ, Отелло, Ляпуновъ и проч., а до него мы, грѣшные, только пародировали ихъ, а не играли. Кончивши по условію съ П. С. Мочаловымъ десять спектаклей въ г. Кіевѣ, труппа отправилась, побывавши въ г. Житомірѣ на баллотировкѣ, въ лѣтній свой обычный вояжъ, а именно: Кременчугъ, Екатеринославъ, Ромны, Лубны и Харьковъ и, объѣхавъ въ положенное время всѣ эти ярмарки, возвратилась въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого-же года въ Кіевъ для зимняго сезона. Какъ спектакли, такъ и бенефисы наши этою зимою—были весьма неудачны и Л. Ю. Млотковскій, великимъ постомъ 1839-го года, кончивши всѣ дѣла свои въ Кіевѣ, перебрался на постоянное жительство со всею труппою въ Харьковъ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ.

Въ концѣ этой же зимы произошелъ въ семействѣ моемъ, жившемъ все это время въ Рязани въ своемъ домѣ, при посильной моей помощи, случай, перемѣнившій сословіе моего отца, который съ самаго банкротства своего числился со мной и братомъ Николаемъ, (учившимся въ Рязанской гимназіи) — въ рязанскомъ мѣщанскомъ обществѣ; это произошло такъ: мѣщанское общество, при объявленномъ въ этомъ годѣ рекрутскомъ наборѣ — приговорило взять съ нашего семейства рекрута, и, разумѣется, по малолѣтству брата моего, я, не имѣя средствъ нанять охотника, долженъ былъ идти въ солдаты, но и тутъ дядя Иванъ Алексѣевичъ помогъ намъ выпутаться изъ бѣды; онъ былъ въ это время уѣзднымъ казначеемъ. Отыскавши въ общественныхъ книгахъ плутовство и пропускъ большихъ семействъ, чтобъ взять натурой съ нашего, онъ подалъ опять прошеніе отъ имени моего отца и такимъ образомъ спасъ меня отъ этой участи и далъ средство остаться на любимомъ моемъ поприщѣ. Съ началомъ

весны, сыгравши, разумѣется, послѣ Пасхи въ Троицкую ярмарку для харьковской публики нѣсколько спектаклей мы (въ разъѣзды этого лѣтняго сезона я былъ изъ числа посылаемыхъ для перваго спектакля и всегда на почтовыхъ, т. е. двухъ перекладныхъ тройкахъ, на одной: я, Бобровъ—комикъ, Новицкій—простакъ и дирижеръ; на другой—квартетъ музыкантовъ) всей труппой отправились на Коренную ярмарку, потомъ, по заведенному порядку, въ Кременчугъ, Екатеринославъ и Ромны. Въ Роменскую ярмарку этого года пріѣхалъ опять по просьбѣ Л. Ю. Млотковскаго на десять спектаклей П. С. Мочаловъ. Опять таже неподражаемая игра его, опять тѣ же потрясающія душа чувства заставляли меня страдать, нѣмѣть и восторгаться вмѣстѣ съ многочисленной публикой, наполнявшей театръ въ каждое, при его участіи, представленіе. Впрочемъ, П. С. Мочаловъ очень хвалилъ составъ труппы, отзываясь такъ: „я и въ Москвѣ никогда не играю съ такимъ прекраснымъ ансамблемъ“, и

этому доказательствомъ служило то, что онъ привезъ съ собою г-на Козловскаго, игравшаго съ нимъ въ Москвѣ вторыя роли, и этотъ г. Козловскій у насъ ничего не игралъ, боясь публики, которая послѣ первой, имъ сыгранной роли, сказала, что если Козловскій опять появится на сценѣ, то будутъ ему шикать. Послѣ Роменъ— Мочаловъ поѣхалъ съ нами въ Харьковъ и здѣсь игралъ еще десять спектаклей, разумѣется, приводя въ восторгъ своей игрой и Харковскую публику. Про себя могу сказать, что я болѣе прочихъ былъ любимъ Павломъ Степановичемъ, онъ часто приглашалъ меня къ себѣ, бесѣдовалъ со мной о театральномъ искусствѣ, одобрялъ выполненіе нѣкоторыхъ ролей моихъ, журилъ за другія и даже частенько поигрывалъ со мной и актеромъ Микульскимъ въ преферансъ по копѣечкѣ. Эга безотчетная, слѣпая любовь моя къ великому трагику, безпрерывная наблюдательность моя за игрой его, такъ сроднились со мной, что меня потомъ звали слѣпымъ подражателемъ Мачалова, что было дѣй-

ствительно правдой и что навсегда осталось во мнѣ. Послѣ Успенской ярмарки въ сентябрѣ мѣсяцѣ Л. Ю. Млотковскій отправилъ половину труппы въ г. Воронежъ. Я былъ также въ числѣ назначенныхъ имъ для зимняго сезона въ этстъ городъ, гдѣ въ продолженіи всей зимы игралъ при водевильныхъ роляхъ и первыя драматическія. Здѣсь припоминаю случай, когда я, простудившись въ холодномъ театрѣ, получилъ лихорадку и, лежа въ постели, въ одну недѣлю, приготовилъ для пріѣзда изъ г. Харькова Люб. Ив. Млотковской— роль „Гамлета“ и игралъ ее въ первый разъ въ пятницу, на маслянной, при восторженныхъ одобреніяхъ и безсчетныхъ вызовахъ воронежской публики. Этой зимой кончилась и моя служба у г. Млотковскаго, я перешелъ на службу къ г. Кологривову, который принялъ на себя директорство воронежскаго театра и намъ (въ числѣ отдѣлившихся въ этотъ разъ были: я, Микульскій, Струковъ съ женою и др.) далъ гораздо большіе оклады. Управляющимъ или, лучше

сказать, антрепренеромъ тогда былъ Пав. Павл. Микульскій, по расположенію къ которому г. Кологривовъ взялъ на себя директорство. Послѣ Пасхи 1840-го года пріѣхалъ къ намъ въ Воронежъ на десять спектаклей изъ г. Тулы П. С. Мочаловъ; изъ г. Тулы пріѣхали гг. Рыбаковъ, Мочаловъ (родственникъ Павла Степ. молодой, талантливый комикъ, женился потомъ въ Воронежѣ на московской актрисѣ Наст. Никатиш. Даниловой и, бывши антрепренеромъ въ Одессѣ— застрѣлился) и Ленскій; такимъ образомъ составилась опять великолѣпная труппа и при участіи въ спектакляхъ П. С. Мочалова, разумѣется, были и великолѣпные сборы, такъ что начало антрепренерства г. Микульскаго— было блистательно. Я говорю антрепренерство потому, что г. Кологривовъ, послѣ шести спектаклей, оставшись чѣмъ то недоволенъ г. Микульскимъ, отказался отъ своего директорства. Отыгравши десять спектаклей, Пав. Степан. по усиленной просьбѣ г. Микульскаго поѣхалъ съ нами въ губ. г. Тамбовъ на Десятую яр-

марку, такъ называемую потому, что она всегда бываетъ на десятой недѣлѣ послѣ Пасхи. Отыгравши здѣсь десять спектаклей, получая, какъ и всегда, по двѣсти рублей ассигнаціями за каждый спектакль, П. С. Мочаловъ поѣхалъ съ женою прямо въ Москву, захворавши своей несчастной болѣзнью, то есть, началъ кутить. Изъ Тамбова вся труппа въ концѣ іюля мѣсяца возвратилась опять въ Воронежъ, гдѣ и давала представленія въ полномъ своемъ составѣ всю зиму. Весна 1841-го года осталась навсегда для меня памятною—отраднымъ происшествіемъ, измѣнившимъ совершенно мою безалаберно-одинокую жизнь; я говорю о своей женитьбѣ и вотъ ея подробности. Съ самаго пріѣзда моего въ Воронежъ я квартировалъ у актера Степ. Іонов. Струкова, женатаго на Натальѣ Николаевнѣ, дочери прежде бывшаго актера провинціальнаго, а потомъ библіотекаря Императорскихъ Московскихъ театровъ Ник. Вас. Ларина, иначе Капилова, умершаго въ Москвѣ въ 1832 году. Послѣ его

смерти вдова съ 2-мя дочерьми: Натальей и Маріей отправилась въ Тверь, гдѣ и отдала старшую дочь Наталью замужъ за актера Струкова (она была оперной и водевильной примадонной въ труппѣ Л. Ю. Млотковскаго). Пристроивши, такимъ образомъ, одну изъ дочерей своихъ, она съ другою, семилѣтнею Маріею, переѣхала въ Ярославль и поступила въ труппу тамошняго антрепренера г. Орлеанскаго на роли старухъ; пріучая и младшую дочь къ сценѣ, она проживала въ г. Ярославлѣ до 1838 года, въ мартѣ этого года скончалась, оставивши младшую дочь свою на попеченіе Ѳ. П. Спасскаго, контролера ярославской казенной палаты, который по старому съ ними знакомству и по добротѣ своей взялъ къ себѣ несчастную сироту и заботился о ней, какъ о родной дочери. По прошествіи года, Ѳ. П., узнавши, что мужъ ея сестры актеръ Струковъ находится на службѣ въ Воронежѣ, написалъ къ нему, совѣтуясь съ нимъ объ участи его свояченицы. Великимъ постомъ

Струковъ поѣхалъ въ Ярославль и привезъ оттуда совсѣмъ оставшимся послѣ родителей маленькимъ имѣньицемъ сестру жены своей. Пріѣхавши въ Воронежъ, Струковъ не засталъ уже жены своей въ квартирѣ, она исчезла за нѣсколько дней до его пріѣзда, неизвѣстно съ кѣмъ и неизвѣстно—куда; такимъ образомъ несчастная сиротка опять осталась почти одна, на попеченіи человѣка, очень мало заботившаго даже о своей домашней жизни; одна только однообразная бесѣда съ актрисой Вельской, приглашенной имъ для компаніи дѣвочки, и развлекала ее, такъ рано узнавшую одиночество. Это-то безотрадное положеніе, при скромности характера новопріѣхавшей поселило во мнѣ, бывшемъ тогда на хлѣбахъ у Струкова, къ ней прежде участіе, потомъ участіе это мало помалу обратилось въ расположеніе и, наконецъ, въ любовь, такъ что къ концу этого года, при согласіи Струкова и взаимномъ расположеніи съ ея стороны, мы 1841 года 16 апрѣля мѣсяца были обвѣнчаны (этотъ

день еще тѣмъ замѣчателенъ, что въ это-же число этого-же года вѣнчался Государь Императоръ Александръ Николаевичъ) въ губ. г. Воронежѣ, въ приходской церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Свадебный пиръ былъ на славу, такъ что я истратилъ на него почти всѣ скопленныя свои деньги, употребивши уже изъ нихъ большую часть на приданное будущей жены своей. Родители мои, не имѣя возможности пріѣхать сами, прислали изъ Рязани на бракъ мой свое согласіе и, вмѣстѣ съ нимъ, икону Божіей Матери Взысканіе погибшихъ; риза этой иконы, вышитая стеклярусомъ, работы крестной моей матери, благословившей меня малюткой еще при кончинѣ своей. Съ этого времени начинается моя покойная, основательная жизнь семьянина.

Вскорѣ послѣ свадьбы мы съ женой отправились въ числѣ труппы антрепренера Микульскаго въ Старый-Осколъ и Острогожскъ и, сыгравши въ этихъ городахъ нѣсколько спектаклей, въ концѣ іюля мѣсяца воз-

вратились опять въ Воронежъ. Тутъ дѣла нашего антрепренера такъ разстроились, что онъ въ одно прекрасное утро, неизвѣстно какъ и неизвѣстно куда уѣхалъ, мы же съ женою, будучи въ это время приглашены во вновь открывавшуюся орловскую дирекцію, переѣхали въ г. Орелъ и какъ разъ поспѣли для открытія вновь выстроеннаго на Палесской площади театра. Я послѣ трехъ, по положенію, дебютовъ былъ принятъ на первое амплуа, а жена моя на второе съ жалованьемъ, по двѣ тысячи ассигнаціями въ годъ, и двумя бенефисами до Великаго поста. Къ концу этого года Богъ обрадовалъ насъ рожденіемъ дочери Марьи, но радость эта недолго продолжалась: малютка наша послѣ трудной болѣзни скончалась въ этомъ же году. На второй годъ нашей службы въ Орловской дирекціи я сдѣланъ былъ режиссеромъ труппы, но дѣла были такъ плохи, что въ началѣ 1843 года дирекція объявила намъ, что далѣе она, по неимѣнію средствъ, отказывается держать труппу и уволь-

няетъ насъ отъ службы. Въ концi этой зимы родная сестра моя Татьяна выдана была замужъ за учителя рязанскаго дома трудолюбiя Алекс. Иван. Сѣверова, и я выслалъ родителямъ болѣе тысячи рублей ассигнацiями, чтобъ устроить, по возможности, приличное для нея приданое не смотря на то, что орловская дирекцiя, отказавши намъ въ службѣ не заплатила мнѣ около тысячи же рублей ассигнацiями заслуженнаго жалованья, почему мои финансы случаю были въ весьма разстроенномъ положенiи. Изъ г. Орла мы всѣмъ ансамблемъ (кромѣ актрисы Марьи Иван. Ладиной, уѣхавшей на службу въ г. Харьковъ), по приглашенiю новаго директора воронежского театра Ник. Ив. Тулинова, переѣхали въ концѣ Великаго поста этого 1843 года въ Воронежъ, гдѣ и продолжали нашу службу ровно два года. Нельзя здѣсь не сказать нѣсколько словъ о такомъ великолѣпномъ человѣкѣ, какимъ былъ нашъ новый директоръ Ник. Ив. Тулиновъ. При огромномъ богатствѣ, это былъ однимъ

изъ добрѣйшихъ и обязательнѣйшихъ людей всего воронежскаго общества, избравшаго его и, именно по достоинству, въ губернскіе предводители. Домъ его считался просто чудомъ по своимъ богатымъ украшеніямъ и устройству; театръ былъ имъ отдѣланъ чисто съ восточною роскошью. Насъ, актеровъ, любилъ, какъ дѣтей своихъ, часто награждая за игру прекрасными подарками; но болѣе же прочихъ, не хвастаясь, любилъ и награждалъ меня, и самой большой для меня наградой было то, что великимъ постомъ втораго года моей у него службы онъ повезъ меня на свой счетъ въ С.-Петербургъ, чтобы показать мнѣ Императорскій театръ и этого вояжа я никогда не забуду. Съ нами ѣздила еще примадонна нашей труппы Аграф. Пав. Кравченкова. Пріѣхавши въ С.-Петереургъ, я безъ сомнѣнія, былъ сначала пораженъ этимъ европейскимъ—красавцемъ городомъ, и какъ съумасшедшій бѣгалъ по его великолѣпнымъ улицамъ, но потомъ, оглядѣвшись, я уже восхищался и дивнымъ ансамблемъ фран-

цузской труппы въ Михайловскомъ театрѣ, и чуднымъ талантомъ В. А. Каратыгина и А. А. Мартынова въ Александрійскомъ, и великолѣпнымъ балетомъ съ оперой Большаго театра (мнѣ удалось въ это время видѣть оперу „Жизнь за царя“ съ ея изумительно-великолѣпной постановкою и въ 1-й разъ слышагь гг. Петровыхъ); восторгался неоцѣненными по своей живописи св. иконами въ Александро-Невской Лаврѣ и Казанскомъ соборѣ; не безъумный, совершенно неистовый восторгъ овладѣлъ мною, когда я въ первый разъ увидѣлъ картину К. Брюллова—„Послѣдній день Помпеи“. Я часа четыре не могъ оторваться отъ парапета, отдѣляющаго ее отъ зрителей и потомъ ночи двѣ или три не спалъ, все мечтая, какъ-бы опять сходить въ академію художествъ, гдѣ она висѣла, чтобы еще хоть разъ взглянуть на нее. Денегъ, которыя Ник. Ив. давалъ мнѣ на карманные расходы, было много; поэтому съ помощью ихъ я видѣлъ тамъ все, что можно было видѣть. Возвратясь изъ С.-Петербурга въ Воронежъ,

Ник. Иван. сталъ еще болѣе заботиться о великолѣпной обстановкѣ пьесъ (наприм., костюмы и декораціи для оперы „Вадимъ“ стоили около шестнадцати тысячъ рублей ассиг.); я же, видѣвши многія на петербургскихъ театрахъ, помогалъ ему въ этомъ. Лѣто втораго года мы жили въ Липецкѣ, откуда послѣ нѣсколько спектаклей вернулись назадъ въ Воронежъ. Спектакли и бенефисы этой второй зимы были огромные по своимъ сборамъ, но Великимъ постомъ этого 1845 года Ник. Иван. Тулиновъ кончилъ свое директорство и навсегда распростился съ труппою; поводомъ къ этому, безъ сомнѣнія, были наши театральныя дрязги, къ которымъ онъ никакъ не могъ привыкнуть. Изъ Воронежа мы съ женой поѣхали въ Рязань къ родителямъ, съ которыми я не видался уже около восьми лѣтъ и гдѣ, по стеченію нижеописанныхъ происшествій, прожилъ безъ малаго три года вмѣстѣ съ ними. Этимъ лѣтомъ, а именно іюля 13-го числа 1845 года родился у насъ первый сынъ Іоаннъ.

Въ началѣ сентября этого-же года антрепренеръ рязанскаго театра Борисъ Климовичъ Соловьевъ уговорилъ меня съ женой играть съ его труппою, и я, получая по 25 рублей ежеспектакльно и каждый мѣсяцъ полные бенефисы, участвовалъ у него во всѣхъ представленіяхъ этой зимы, получивши очень хорошія деньги. Къ концу этой зимы скончался у меня въ домѣ дядя Ив. Алексѣев. и былъ похороненъ въ Спасскомъ монастырѣ. Лѣтомъ 1846 года ѣздили мы въ Касимовъ, Рязанской губерніи, съ труппою этого-же антрепренера, сыграли тамъ болѣе десяти спектаклей за 400 рублей ассигн. Слѣдующую зиму я опять игралъ съ женой на рязанской сценѣ, получая отъ г. Соловьева уже по 35 рублей за каждое представленіе и ежемѣсячно полные бенефисы. Насъ очень любилъ рязанскій губернаторъ г. Кожинъ, и для его удовольствія мы съ женой играли болѣе 15 разъ въ одну зиму его любимый водевиль „Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузминишна“; въ вознагражденіе за это онъ всегда заботился о нашихъ

бенефисахъ: даже самъ лично раздавалъ билеты въ собраніе. Кончивши зимній сезонъ, я весной принялся за свои любимыя занятія: садоводство и цвѣты. 1847 года 2-го числа мая мѣсяца батюшка мой Иванъ Максимовичъ скончался въ моемъ домѣ. Въ концѣ мая этого-же года мы съ женой ѣздили опять съ г. Соловьевымъ въ уѣздные города Рязанской губерніи * и получили хорошую за это плату. Осенью 1847 года мы были приглашены г. Соловьевымъ въ городъ Владиміръ, гдѣ онъ выстроилъ новый театръ и играли всю зиму. На первой недѣлѣ Великаго поста 1848 г. мы были приглашены по письму, еще живя въ Рязани, и переѣхали въ Ярославль къ антрепренеру Мих. Яков. Алексѣеву, богатому купцу, выстроившему ярославскій и рыбинскій театры. Сыгравши нѣсколько спектаклей послѣ Пасхи, мы съ труппой этого

* Въ Зарайскѣ встрѣтилъ своихъ бывшихъ московскихъ учениковъ: князя А. Алексѣевича и княжну Екат. Алекс. Волконскихъ. Они меня узнали и вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, уѣздн. предводит. дворянства, сдѣлали намъ много добраго.

антрепренера, переѣхали 8-го мая въ Рыбинскъ (уѣздный городъ Ярославской губерніи, извѣстный по своей хлѣбной торговлѣ), гдѣ ужасная холера, почти остановивши своимъ появленіемъ спектакли, причинила много убытковъ г. Алексѣеву. Осенью, перебравшись опять въ Ярославль, этотъ антрепренеръ сильно простудился и послѣ 3-хъ дневной болѣзни умеръ. Послѣ смерти вдова его съ дочерью просили меня быть главно-управляющимъ труппы и окончить дѣла этой зимы, которыя были тамъ порядочно позапутаны, и я, взявшись за это, въ теченіи зимы уплатилъ почти всѣ долги его актерамъ отъ сборовъ. Великимъ постомъ 1849-го года мы, т. е. я съ ярославскимъ помѣщикомъ Влад. Анд. Вахсманомъ сняли съ 1-го марта въ арендное содержаніе ярославскій и рыбинскій театры со всѣми принадлежностями на два года, заплативъ за оные впередъ 1500 рублей. Такимъ образомъ я попалъ въ антрепренеры и въ эти два года нажилъ хорошія деньги. Весной, этого 1849-го года сняли мы еще и

костромской театръ, и весь весенній сезонъ до 9-го мая пробыли съ труппою въ Костромѣ, получивши очень хорошіе сборы. Проигравши лѣто въ Рыбинскѣ, въ началѣ октября опять пріѣхали въ Кострому и при хорошемъ абонементѣ, сдѣланномъ тамошнимъ губернаторомъ Каменскимъ, мы пользовались безпрерывно радушнымъ пріемомъ публики, которая почти каждую недѣлю давала намъ вечера и обѣды. Все это время товарищъ мой по содержанію театровъ, В. А. Вахманъ, ѣздилъ въ Москву и привезъ двухъ танцовщицъ: Карику и Смирнову, привлекавшихъ своими танцами очень много посѣтителей.

10-го января 1850-го года мы переѣхали, на другую половину зимняго сезона, съ труппою въ Ярославль, въ которомъ, давая до Великаго поста спектакли, получили хорошіе сборы. Проигравши по обыкновенію въ Рыбинскѣ все лѣто, мы сильно надѣялись на хорошіе барыши въ Ярославлѣ во время бывшихъ въ этотъ годъ дворянскихъ вы-

боровъ, но увы!.. Надежды наши не сбылись!.. Волтиферъ Гварра выстроилъ огромный балаганъ противъ нашего театра и привлекая по новизнѣ въ каждое свое представленіе почти весь городъ, рѣшительно уничтожилъ наши спектакли и мы съ товарищемъ были весьма довольны, что остались, если не съ барышемъ, то и не въ убыткѣ. Кончивши этой зимой товарищество по содержанію Ярославскаго театра, я весной 1851 года, уѣхалъ съ своимъ семействомъ въ г. Владиміръ и, по совѣту тогдашняго владимірскаго губернатора Данаурова, началъ строить новый театръ у Золотыхъ воротъ. Закладка этого театра была 27 апрѣля того же года, при постоянномъ наблюденіи за постройкой его губернскаго архитектора Як. Максим. Никифорова. Не знаю, какой враждебный духъ подтолкнулъ меня приняться за эту постройку, совершенно уничтожившую скопленный, многолѣтними трудами мой маленькій капиталецъ. Все лѣто 1851 года я жилъ во Владимірѣ (въ это время я въ 1

разъ побывалъ на Нижегородской ярмаркѣ, которая дала мнѣ понятіе, что такое въ полномъ смыслѣ —ярмарка) и, строя свой театръ, не только израсходовалъ на отдѣлку его всѣ свои деньги, но еще принужденъ былъ занять около двухъ тысячъ рублей серебромъ у помѣщицы Араповой, подъ сохранныя росписки, за огромные проценты и истратить весь зимній абонементъ; это окончательно разстроило всѣ дѣла мои и поставило меня въ такое положеніе, въ каковомъ я никогда не бывалъ. Этой зимой у меня во Владимірѣ была прекрасная водевильная труппа (въ числѣ 1 сюжетовъ были авторъ комедіи „Женихъ изъ ножевий линіи"— Ал. Ив Красовскій —отличнѣйшій комикъ) и огромнѣйшіе сборы, но результатомъ всего этого было то, что я не могъ выплатить и половины своихъ долговъ. Кончивши такимъ образомъ зимніе спектакли, я Великимъ постомъ, не имѣя лѣтняго мѣста, снялъ опять на годъ ярославскій и рыбинскій театры въ товариществѣ со вдовой, хозяйкой этихъ

театровъ, Алексѣевой и, переѣхавши съ семьей, открылъ съ новой труппой, послѣ Пасхи, разумѣется, сначала въ Ярославлѣ, потомъ лѣтомъ въ Рыбинскѣ—спектакли. Но вѣрно, я началъ строить свой театръ подъ неблагопріятнымъ созвѣздіемъ и счастливое начало моего антрепренерства должно было имѣть худыя послѣдствія.

Этимъ лѣтомъ антрепренеръ г. Соловьевъ, начавши съ мая мѣсяца спектакли, въ такомъ маленькомъ городишкѣ, вѣроятно, сидѣлъ бы безъ куска хлѣба, еслибы я, предвидя эту бѣду, не выписалъ изъ Москвы драматическаго актера К. Н. Полтавцева для участія въ моихъ спектакляхъ, платя ему за это половину каждаго сбора, и такимъ образомъ избѣгнувши убытковъ, я въ началѣ августа отправилъ всю свою труппу черезъ Ярославль (гдѣ труппа дала три представленія, при участіи московскаго опернаго актера Алек. Олимп. Бантышева) въ г. Владиміръ, чтобы въ немъ начать зимній сезонъ, уплативши своевременно труппѣ все жалованье до

копѣйки. Но одна бѣда шла за другою: въ началѣ Успенскаго поста, отправивши жену и сына на пароходѣ въ Ярославль, я самъ поплылъ на другомъ за покупками въ Нижній, видѣлся, проѣздомъ черезъ Владиміръ, съ новымъ губернаторомъ Н. П. Синельниковымъ и, давши ему слово непремѣнно пріѣхать съ труппою въ началѣ сентября, чтобы начать представленія,—вернулся въ Ярославль 10 августа, но дома встрѣтило меня нежданное горе: сынъ Иванъ, простудившись при переѣздѣ на пароходѣ, сильно заболѣлъ скарлатиною: всѣ тѣло его было какъ бы налито водой; при неосторожномъ же лѣченіи его ваннами, у него открылся во рту водянистый ракъ,—и мы должны были по случаю немедленнаго отъѣзда нашего во Владиміръ, его, совершенно безнадежнаго, оставить на попеченіи незабвеннаго доктора г. Шольфена. Богъ внялъ нашимъ грѣшнымъ молитвамъ и воскресилъ его, бывшаго почти на краю могилы; незабвенными для насъ навсегда остались попеченія о немъ доктора и добраго семейства Ф. П.

Спасскаго, того самаго, у котораго въ дѣвушкахъ годъ жила его мать. Дѣла этого зимняго сезона во Владимірѣ, при губернаторѣ Синельниковѣ, который на свой счетъ отдѣлалъ рѣзной золоченой работой мой театръ, были прекрасныя и только по случаю перемѣщенія его въ губернаторы города Житоміра я принужденъ былъ переѣхать, на другую половину зимняго сезона, въ Ярославль, гдѣ сборы были, по обыкновенію, весьма плохи. Великимъ постомъ 1853 года, надѣясь поправить дѣла свои, я опять вошелъ въ товарищество съ г-жею Алексѣевой и еще на два года, но этимъ еще болѣе ухудшилъ ихъ. Во время этого поста ѣздилъ я въ Москву, Владиміръ и Рязань; я пріѣхалъ опять въ Москву на другой день послѣ пожара Большаго московскаго театра и нашелъ эти величественныя развалины еще дымящимися. Лѣтомъ въ Рыбинскѣ опять появилась холера, и театръ, по этому случаю, былъ постоянно пустъ; ко всему этому, первый комикъ моей труппы А. И. Красовскій, захворавши холерей, умеръ въ нѣсколько часовъ,

и я, лишившись самого любимаго публикою актера, рѣшительно не зналъ, кѣмъ замѣнить его и что дѣлать въ зимній сезонъ, на который я полагалъ большую надежду по случаю дворянскихъ выборовъ въ Ярославлѣ и Владимірѣ. Надобно было дѣлить актеровъ на двѣ труппы; выписать же хорошаго, перваго комика, по существующимъ въ моей труппѣ окладамъ, не было возможности, и я, написавши въ Москву къ комическому актеру И. Е. Турчанинову, по необходимости принужденъ былъ дать ему двойной окладъ, чтобъ не остановить только предполагаемыхъ въ этихъ двухъ городахъ спектаклей. Въ 1-хъ числахъ сентября 1853 года я отправилъ изъ Рыбинска половину сюжетовъ во Владиміръ, для управленія и распоряженія дѣлами поѣхала жена моя и повѣренный моей компаньонки г. Смирновъ; къ этимъ сюжетамъ были выписаны изъ Москвы г. Турчаниновъ, изъ Рязани: г.г. Выходцевъ, Копыловъ, г-жа Ѳедорова и другія, и такимъ образомъ составилась во Владимірѣ, очень хорошая водевильная труппа,

которая съ половины сентября и начала тамъ давать спектакли. Я же, кончивши во 2 половинѣ октября обычныя въ Рыбинскѣ представленія, перебрался съ другою половиною въ Ярославль, но не имѣя драматической актрисы, поѣхалъ самъ во Владиміръ, взялъ оттуда актрисъ Ѳедорову и Николаеву и пріѣхалъ немедленно въ ними въ Ярославль. Сборы въ Ярославлѣ этой зимой, не смотря на баллотировку, были весьма плохіе, и я, съигравши по 1-е января 1854 г. положенное число спектаклей, переѣхалъ въ концѣ святокъ съ драмматическою труппой во Владиміръ, выписавши прежде своего отъѣзда жену свою и г. Смирнова въ Ярославскую половину для того, чтобы не оставить дѣлъ при окончаніи сезона въ Ярославлѣ. Сборы во время владимірскихъ дворянскихъ выборовъ были очень хорошіе, но я и прекрасный бенефисъ свой, и часть общихъ сборовъ проигралъ въ трынку, подстрекаемый безалаборной жизнью безъ жены, и если бъ жена не выслала мнѣ изъ Ярославля оставшихся у нея отъ бенефиса ея 130 руб. се-

ребромъ денегъ, то я не имѣлъ бы совершенно средствъ пріѣхать Великимъ постомъ въ Ярославль къ своему семейству. Послѣдній годъ моего актерства, то есть: 1854 г., разумѣется, сопровождаемъ былъ плохими сборами въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ, такъ что, не смотря на абонементъ десяти ложъ и нѣсколькихъ креселъ, розданныхъ супругою ярославскаго губернатора—Н. В. Бутурлиной—для поддержки сборовъ, я едва только могъ, по окончаніи зимы, расплатиться съ труппой и свести концы съ концами. Во Владимірѣ же эту зиму я совсѣмъ не игралъ, но отдавалъ театръ свой подъ дворянскіе спектакли; получилъ же съ нихъ мало, потому что владимірскій помѣщикъ Рахмановъ, покупая у меня мой владимірскій театръ, послѣ отказался, заплативши мнѣ только за два дворянскіе спектакля сто рублей серебромъ.

Въ началѣ Великаго поста 1855 г., 23 февраля родился у насъ второй сынъ Николай, въ тотъ самый день, когда пришло въ Ярославль оффиціальное извѣстіе о кончинѣ Государя

Императора Николая I-го и была въ этотъ день во всѣхъ ярославскихъ церквахъ присяга новому Государю Императору Александру Николаевичу; кончина же императора Николая I-го была за пять дней до рожденія сына нашего, то есть 18-го февраля. Съѣздивши послѣ рожденія сына Николая во Владиміръ по случаю несостоявшейся покупки г. Рахмановымъ моего театра, заплативъ огромные проценты помѣщицѣ Над. Сергѣев. Араповой, за отсрочку еще на годъ платежа, должныхъ ей, по сохраннымъ роспискамъ, 1500 рублей серебромъ и, возвратясь послѣ Пасхи къ своему семейству, чтобы перевести его во Владиміръ, я заложилъ всѣ вещи, всю мѣховую одежду жены и такимъ образомъ, задолжавши съ прежними около 2000 руб., я прожилъ все лѣто въ своемъ владимірскомъ театрѣ, при безпрерывныхъ заѣмахъ, для прокормленія своего бѣдствующаго семейства. Предыдущій и этотъ 1855-й г. были годами лишеній, нуждъ и всѣхъ возможныхъ неудовольствій, эти года навсегда ос-

танутся памятными въ жизни моей, и не дай Богъ испытать подобныхъ ни мнѣ, ни моему семейству. Этимъ же лѣтомъ 12-го іюня былъ во Владимірѣ ужасный пожаръ, истребившій въ какіе-нибудь три часа 80 домовъ, дѣвичій монастырь и двѣ церкви, страшно напугавши меня, потому что былъ по сосѣдству съ моимъ театромъ. Въ августѣ я ѣздилъ въ Нижній и предложилъ г. Шмидгофъ снять мой театръ на зиму, онъ обѣщалъ мнѣ это и дѣйствительно въ началѣ октября пріѣхалъ съ дочерьми своими (Евелиной и Люціей) во Владиміръ для открытія спектаклей, къ нимъ еще присоединился и Ник. Карл. Милославскій; такимъ образомъ я началъ получать съ нихъ, при участіи моемъ съ женою, въ этихъ представленіяхъ за каждый спектакль по двадцати руб. съ моей библіотекой и костюмами. Но проигравши спектаклей десять и видя ослабѣвшія сборы, г. Шмидгофъ уѣхалъ опять въ Нижній, я-же 1-го января 1856-го года отправился въ Харьковъ, оставивши свое семейство во

владимірскомъ театрѣ, въ которомъ съ половины января началъ играть съ своей труппой г. Александровъ, при участіи также и жены моей, платя за каждый спектакль по 15 рублей. Поѣздка моя на этотъ разъ была весьма удачна: проѣздомъ через г. Курскъ я игралъ у тамошняго антрепренера Т. Д. Домбровскаго—пять спектаклей и получилъ за это 200 рублей; въ Харьковѣ же съ перваго спектакля я былъ принятъ публикою съ восторгомъ и игралъ весь февраль мѣсяцъ, почти каждый день, условившись съ директоромъ театра, полковникомъ Д. Я. Петровскимъ, до Великаго поста, то есть за одинъ этотъ мѣсяцъ 200 р. деньгами и два полубенефиса, такимъ образомъ въ эту поѣздку за два мѣсяца, я получилъ около 700 рублей; это было совершенно для меня находкой и сильно поправило дѣла моего семейства. Вернувшись Великимъ постомъ во Владиміръ и живя со своимъ семействомъ въ театрѣ своемъ, я получилъ 25-го мая отъ новаго харьковскаго директора М. П.

Львова пригласительное письмо за службу и въ концѣ того-же мѣсяца выѣхалъ изъ Владиміра (но только еще безъ семейства) и пріѣхалъ въ Харьковъ къ Троицкой ярмаркѣ. Здѣсь отыгравши эту ярмарку, потомъ Ильинскую въ Полтавѣ, наконецъ Успенскую опять въ Харьковѣ, получая каждый мѣсяцъ по 100 руб. жалованья и по полубенефису каждомѣсячно также, я выписалъ жену изъ Владиміра, которая и пріѣхала ко мнѣ въ Харьковъ съ обоими сыновьями и со всѣмъ движимымъ имуществомъ въ началѣ сентября мѣсяца и послѣ трехъ дебютовъ, также начала съ половины сентября свою службу въ харьковской дирекціи. Съ этого времени, заключивши контрактъ съ директоромъ на полтора года, я началъ получать съ женой по 150-ти рублей ежемѣсячнаго жалованья и восемь полубенефисовъ въ годъ. Этой зимой родной братъ мой Николай Ивановичъ продалъ рязанскій мой домъ за 600 рублей сер. и я, прибавивши къ этимъ деньгамъ еще

400 р., полученныхъ съ крещенскаго полубенефиса, уплатилъ г-жѣ Араповой по первой сохранной роспискѣ 1000 рублей, и въ первый разъ вздохнулъ свободнѣе, сваливши съ себя почти половину моихъ долговъ. На другой годъ нашей службы въ г. Харьковѣ директоръ М. П. Львовъ передъ Троицкой ярмаркой, а именно 2-го іюля 1857-го года передалъ свое директорство И. А. Щербинѣ, принявшему у него съ театральнымъ имуществомъ и всѣ контракты съ гг. актерами на тѣхъ-же положеніяхъ. Весною этого 24-го апрѣля скончалась маменька моя Екатерина Алексѣевна, жившая, по продажѣ моего рязанскаго дома, у брата Ник. Иван. въ селѣ Любучахъ, Рязанской губ., гдѣ и похоронена на сельскомъ кладбищѣ. Въ октябрѣ 13-го дня этого года родился сынъ Александръ. Отыгравши у новаго директора И. А. Щербины Троицкую, Ильинскую, Успенскую и Покровскую ярмарки, я 14-го ноября, поссорившись съ нимъ за нѣкоторыя новыя постановленія, мной не признаваемыя, уѣхалъ въ

Кіевъ одинъ безъ семейства и игралъ тамъ до Великаго поста, получивши около 500 р. с. за все это время. Въ четвергъ на сырной недѣлѣ 1858 г., кончивши по условію спектакли, я выѣхалъ изъ Кіева и пріѣхалъ на прощенный день въ Харьковъ къ своему семейству. Послѣ же Пасхи этого года, будучи приглашенъ съ женою на службу въ кіевскую дирекцію, я перебрался совсѣмъ скарбомъ въ Кіевъ. Съ апрѣля началась наша служба при кіевскомъ театрѣ и, надобно признаться, этотъ годъ былъ однимъ изъ неблагопріятныхъ: жалованье въ лѣтнее время почти не платилось за неимѣніемъ денегъ въ кассѣ, такъ что къ декабрю дирекція намъ должна была болѣе 600 р. серебромъ, бенефисы были совершенно плохіе; ко всему этому, 10-го ноября на сценѣ, во время репетиціи пьесы: „Гибель фрегата Медузы", ужасно ушибли мнѣ лѣвую ногу, такъ что я, упавши съ 6-ти аршинной высоты, въ обрушившійся подъ ногами моими провалъ, пролежалъ въ постели болѣе 5-ти недѣль и только черезъ два мѣсяца въ состояніи былъ

надѣть сапогъ на эту ногу и ходить безъ костылей (незабвенна для меня заботливость нашего театральнаго доктора профессора анатоміи г. Вальтера, который собственноручно бинтовалъ мнѣ ушибленную ногу и въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ ежедневно, безъ всякой платы, навѣщалъ меня больнаго). Во время моей болѣзни театральный комитетъ передалъ управленіе театромъ польскому антрепренеру г. Барховскому, и мы, не желая довѣриться ему, совсѣмъ отказались отъ службы; я же, съ полубольной еще ногой, въ январѣ 1859 года уѣхалъ въ г. Харьковъ, гдѣ съ 8-го февраля опять началъ службу въ харьковской дирекціи. (Лѣтомъ 1858 г. продалъ я мой владимірскій театръ мѣстному почмейстеру, а 22 августа получилъ и остальныя за уплатою долговъ моихъ 1300 руб. отъ повѣреннаго моего;—съ этого дня совершенно успокоился, зная, что никому ни копѣйки я не долженъ). Великимъ постомъ 1859 г. жена моя съ дѣтьми переѣхала также въ Харьковъ и по-

болѣзни своей не могла продолжать службы въ харьковской дирекціи до сентября мѣсяца. Мая 31 дня этого 1859 года родился сынъ Петръ. Въ концѣ-же августа этого года старшій сынъ нашъ Иванъ отданъ былъ учиться въ пансіонъ Карла Ивановича Цобеля, съ платой 300 руб. въ годъ, и поступилъ прямо въ 2 классъ. Съ сентября этого года жена моя также поступила на службу въ Харьковъ, съ условіемъ получать намъ обоимъ уже по 125 руб. жалованья и 6 полубенефисовъ.—Мы съ женой постоянно служили въ харьковской дирекціи, никуда не выѣзжая 1860—1861 годы (сезонъ 1860 года былъ замѣчателенъ по своему великолѣпному составу: фотографическій снимокъ со всѣхъ главныхъ сюжетовъ сохраняется у меня для памяти), кромѣ іюля мѣсяца, въ который харьковская труппа всегда ѣздила въ полномъ составѣ на Ильинскую ярмарку въ Полтаву; да еще жена одна ѣздила съ водевильной труппою въ Екатеринославъ на двѣ недѣли, на тамошнюю Петропавловскую ярмарку.

Въ эти два года мы съ женою, получая аккуратно жалованье и, имѣя всегда порядочные бенефисы, жили съ семействомъ покойно и счастливо. Великимъ постомъ 1862 года директоръ харьковскаго театра Иванъ Александровичъ Щербина передалъ дирекцію Леониду Александровичу Мезенкамфу на пять лѣтъ, съ условіемъ получать за передачу по 4000 руб. ежегодной аренды; такимъ образомъ кончилась и наша служба при харьковской дирекціи; новый директоръ предложилъ намъ меньшія условія, на которыя я, разумѣется, не согласился и уѣхалъ одинъ безъ семейства въ г. Таганрогъ 26 августа, куда и пріѣхалъ съ актеромъ Самсоновымъ 29 числа того-же мѣсяца. Таганрогскій же антрепренеръ Алексѣй Степановичъ Марковъ давалъ послѣдній спектакль; мы же, опоздавши пріѣздомъ, не могли даже быть и въ театрѣ въ этотъ прощальный спектакль. На другой день онъ сказалъ мнѣ, что отправляется въ Ростовъ-на-Дону со всею труппою для лѣтняго сезона, и если я хочу сыграть у него нѣсколько

спектаклей, то чтобы ѣхалъ съ нимъ на пароходѣ въ этотъ городъ. 1 числа мая въ 10 час. утра пароходъ „Волга" снялся съ якоря и въ 4 часа пополудни причалилъ къ ростовской набережной, имѣя и насъ съ г. Самсоновымъ своими пассажирами. Въ продолженіи мая мѣсяца я сыгралъ у г. Маркова 5 спектаклей и получивъ за это полубенефисъ въ 95 руб., 25 числа отправился опять въ Таганрогъ и, пересѣвши на морской пароходъ „Ифигенія", поплылъ на немъ въ Керчь, куда прибылъ черезъ двое сутокъ. Я былъ въ театрѣ и видѣлся въ тамошнимъ антрепренеромъ г. Марксомъ, и тотъ, и другой мнѣ очень не понравились; самъ-же городъ, съ своими алеями по большой улицѣ, имѣетъ видъ полу-азіатскій и очень заинтересовалъ меня. Такимъ образомъ пробывши въ Керчи сутки, 29 числа пересѣлъ я на огромный морской пароходъ „Аргонавтъ", отчалившій въ 10 час. утра этого числа отъ керчинской пристани. Въ 4 часа по-полудни пароходъ сталъ на якорь въ Ѳеодосійскомъ портѣ; этотъ городъ не имѣ-

етъ ничего замѣчательнаго, кромѣ сохранившихся еще съ татарскаго владычества стѣнъ и крѣпостныхъ башень на лѣвой сторонѣ этого порта; жаль смотрѣть на начатыя огромныя постройки для предпологаемой прежде желѣзной дороги, а теперь без внимания брошенныя.

На другой день въ 4 часа утра пароходъ поплыл близъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, близъ этихъ великолѣпныхъ, грозныхъ скалъ южнаго берега Крымскаго полуострова, а въ 8 часовъ этого же утра остановился близъ Ялты, этой русской Швейцаріи и Италіи вмѣстѣ. Не могу никогда забыть этихъ очаровательныхъ минутъ, проведенныхъ мною на палубѣ, красавца парохода, въ виду этого городка, помѣщеннаго какъ-бы волшебствомъ между горами, увѣнчанными вѣчнымъ снѣгомъ и усѣянными виноградниками, при подошвѣ котсрыхъ ростутъ кипарисы, навѣвающіе на васъ свой бальзамическій воздухъ. Мнѣ болѣе всего здѣсь понравилась церковь, выстроенная въ византійскомъ вкусѣ и окруженная благоухающими

кипарисами. Здѣсь также любовался я дворцомъ Государя Императора, дворцомъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, подареннымъ Ею Великому Князю Константину Николаевичу, и прочими домиками вельможъ, которые при простотѣ отдѣлки такъ роскошно убраны самой природою.Изъ этихъ дачъ замѣчательна наиболѣе: Массандра князя Воронцова—съ первыми крымскими виноградниками. Во время нашей стоянки привезли къ намъ на пароходъ, не смотря на такое еще раннее, для насъ сѣверныхъ жителей, весеннее время, превосходнѣйшую спѣлую черешню и огромные букеты разноцвѣтныхъ розъ,мы и заплатили за нихъ только четыре копѣйки; эти букеты я довезъ до Одессы и подарилъ г-жѣ Саловой.

Въ 12 часовъ пароходъ поднялъ якорь и поплылъ близь самаго берега; я рѣшительно не сходилъ съ палубы и черезъ каждыя пять минутъ глаза мои были поражаемы новыми красотами этой дивной природы; эти моменты, кажется, не изгладятся изъ моей памяти до самой смерти: сверху

безоблачное небо, съ лѣвой стороны и внизу изумрудныя волны Чернаго моря, съ милліонами ныряющихъ коровокъ, съ правой стороны—скалы и берега, убранные роскошными деревьями и виноградниками; все это дивило и очаровывало меня, жителя сѣверныхъ губерній, часто въ это время видавшаго еще снѣгъ и желтые осенніе листья. Вскорѣ мы проплыли мимо знаменитой мызы князя Воронцова, называемой „Алупкой", роскошь природы которой такъ соединена съ искусствомъ, что не знаешь, чему дивиться болѣе. Въ 4 часа показался на горизонтѣ маякъ севастопольскій и мы вскорѣ были уже въ бухтѣ севастопольскаго рейда и причалили къ, такъ-называемой, Графской пристани.

Послѣ обѣда я съ однимъ купцомъ, пассажиромъ также, поѣхалъ осматривать этотъ городъ, знаменитый по своему упорному сопротивленію въ 1855 году англо-французскимъ войскамъ, которыя вмѣстѣ съ турками и сардинцами, цѣлые одиннадцать мѣсяцевъ громили изъ своихъ разруши-

тельныхъ орудій эту грозную морскую крѣпость, не защищенную съ сухаго пути рѣшительно ничѣмъ, кромѣ земляныхъ валовъ, устроенныхъ наскоро. Цѣлыхъ 4 часа мы ѣздили между этими совершенно разрушенными, но еще великолѣпными и въ своемъ разрушеніи, громадными постройками этого главнаго арсенала и порта всего Черморскаго флота; съ душевной скорбью осматривали знаменитый Малаховъ курганъ (гдѣ я нашелъ осколокъ бомбы и вырылъ нѣсколько французскихъ и англійскихъ пуль, которыя взялъ съ собою въ воспоминаніе этого посѣщенія) и мѣста прочихъ какъ нашихъ, такъ и англо-французскихъ батарей; глядѣли на развалины такъ удивлявшихъ весь свѣтъ корабельныхъ доковъ и артиллерійскихъ казармъ; были въ городскомъ саду, видѣли уцѣлѣвшій памятникъ моряку Казарскому; однимъ словомъ, мы съ нимъ видѣли все, что можно было, и что должно было видѣть русскому въ этомъ знаменитомъ городѣ. Утромъ 31 го мая опять пустились въ море и въ 12 часовъ остановились

близь Евпаторіи. Здѣсь пароходъ, запасшись углемъ, въ 4 часа пополудни поднялъ якорь и пустился прямо къ Одессѣ. Передъ вечеромъ поднялся было вѣтеръ и началъ волновать море; я ужасно боялся, чтобы не было бури, но, благодаря Бога, погода стихла, волны улеглись и въ 3 часу пополуночи я въ 1-й разъ увидѣлъ великолѣпныя строенія этого уголка сѣверной нашей Пальмиры, какъ его называютъ. 1-го іюля, въ 3 часа утра, сошелъ на берегъ и остановился въ гостинницѣ Илькевича, близь театра; затѣмъ видѣлся съ режиссеромъ одесскаго театра г. Саловымъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ антрепренеру Ив. Карл. Фолетти. Не смотря на то, что въ это время, на одесской сценѣ игралъ артистъ Императорскихъ Московскихъ театровъ г. Шумскій, мнѣ удалось сыграть 7-го числа роль „Морица" въ пьесѣ „Графиня Клара д'Обервиль" и быть вызвану за игру болѣе 10 разъ. На другой день г. Фолетти также благодарилъ меня за участіе въ спектаклѣ, но сказалъ, что, по условію его съ

г. Шумскимъ, онъ не можетъ пригласить меня играть болѣе, но что на будущее время я могу разсчитывать на Одессу. Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ ѣхать опять въ Харьковъ; итакъ, 10 числа распростившись съ Одессой, я поѣхалъ въ Кременчугъ сначала, гдѣ сыгралъ 8 спектаклей, получая по десяти рублей отъ спектакля, и взялъ полубенефисъ въ 65 руб., затѣмъ отправился на почтовыхъ въ Харьковъ, гдѣ до конца августа я жилъ съ своимъ семействомъ совершенно безъ дѣла и совѣмъ уже намѣревался выѣхать въ Воронежъ къ зимнему сезону, какъ вдругъ бывшій харьковскій директоръ И. А. Щербина пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ Орелъ, чтобы осмотрѣть отдающійся въ аренду вновь выстроенный орловскимъ губернаторомъ графомъ Левашевымъ театръ; я съ нимъ поѣхалъ и, по снятіи г. Щербиною театра, далъ ему слово служить съ женою моею у него въ качествѣ режиссера и актера зиму 1862 года. Эту зиму (конецъ 1862 и начала 1863 г.), пере-

ѣхавши въ Орелъ со всѣмъ семействомъ (кромѣ старшаго сына Ивана, оставшагося въ пансіонѣ г. Цобеля въ послѣднемъ 5-мъ классѣ кончать курсъ), мы играли, получая по 150 руб.сер. жалованья и три полубенефиса до Великаго поста, чѣмъ хоть немного поправили наши семейныя обстоятельства, бывшія отъ лѣтняго бездѣйствія въ очень плохомъ состояніи Великимъ постомъ 1863 года члены орловскаго дворянскаго клуба взяли на себя дирекцію театра, пожертвовавши на расходы 3,000 руб. сереб. Хозяйственный старшина дворянскаго собранія И. Ѳ. Новиковъ, какъ главный директоръ театра, пригласилъ меня съ женой на службу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ я служилъ у г. Щербины, съ 15 августа по Великій постъ 1864 годъ. Этимъ лѣтомъ мы компаніей играли въ продолженіи іюня мѣсяца, дѣливши доходъ отъ спектаклей соразмѣрно получаемому въ дирекціи жалованью, и на нашу долю пришлось около 300 руб., на эти деньги мы прожили безъ нужды до 15 августа, т. е. до начала дирекці-

онныхъ спектаклей, а съ этого времени мы по контрактамъ начали уже получать ежемѣсячное жалованье. Въ этомъ же іюнѣ пріѣзжалъ изъ г. Харькова старшій сынъ Иванъ, кончившій курсъ въ пансіонѣ г. Цобеля и, по выдержаніи экзамена въ университетъ, принятый въ число студентовъ, чѣмъ насъ съ матерью чрезвычайно обрадовалъ и, проживши съ нами все лѣто, въ началѣ августа уѣхалъ въ г. Харьковъ, чтобы слушать лекціи юридическаго факультета. Въ орловской дирекціи дѣла были прекрасныя, жалованье получали сполна и два хорошихъ бенефиса, все это дало намъ средства, кончивши сезонъ въ началѣ мая, переѣхать всѣмъ въ г. Харьковъ, къ старшему сыну Ивану, жившему эту зиму на хлѣбахъ (квартира со столомъ) у Г. П. Пороховской, хорошей знакомой нашей, —и прожить безъ нужды до августа мѣсяца.

Такъ кончаются записки.

Съ августа 1864 года служба Ив. Ив. Лаврова (Барсукова) до 1880 го-

да продолжается въ г. Харьковѣ, съ небольшими поѣздками въ лѣтніе мѣсяцы въ Кіевъ, Полтаву и Елисаветградъ. Въ семейной его жизни произошло радостное событіе: въ 1874 году въ январѣ старшій сынъ его женился на дочери директора театра Ник. Ник. Дюкова, *, а 1875 года 27 января праздновался его сорокалѣтній юбилей службы на театральныхъ подмосткахъ поднесеніемъ подарковъ, въ числѣ коихъ выдѣлялись серебряный, вызолощенный лавровый вѣнокъ и адресъ.

Въ 1880 году заканчивается его служба въ г. Харьковѣ у директора театра Н. Н. Дюкова по случаю тяжкой утраты—любимой жены Маріи Николаевны, умершей отъ воспаленія печени 27 апрѣля 1880 года. Смерть жены разстроила его здоровье и черезъ 6 недѣль Ив. Ив. Лавровъ (Барсуковъ) былъ вызванъ въ г. Черниговъ на постоянное житье къ старшему своему сыну Ивану Ивановичу Барсукову, служившему правителемъ канцеляріи при черниговскомъ губернаторѣ. Здѣсь, въ кругу любящей семьи—съ вну-

* Внучкѣ Л. Ю. Млотковскаго.

комъ Ив. Ив. понемногу свыкался съ своимъ горемъ и отдыхалъ отъ трудовъ своей многолѣтней службы, въ то же время интересуясь всегда по прежнему театромъ. Время отъ времени принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ съ благотворительной цѣлью, приглашаемый мѣстной аристократіей больше въ качествѣ режиссера.

Послѣдніе годы своей жизни онъ принялъ на себя обязанность помощника церковнаго старосты въ Вознесенской церкви г. Чернигова (гдѣ старостой былъ сначала черниговскій губернаторъ, а затѣмъ выбранъ былъ Ив. Ив. Барсуковъ—его сынъ). Скончался онъ въ 1890 году 3-го февраля отъ рака (мочеваго пузыря); похороненъ, по желанію его, воздѣ любимой внучки, на погостѣ Елецкаго монастыря города Чернигова, на 78 году своей жизни.

Отдѣльные оттиски изъ газеты „Южный Край".

